

СТРАНСТВОВАНИЯ
ВАСИЛЯ ГРИГОРОВИЧА-БАРСКАГО
по
СВЯТЫИХ ЗЕМЛЯИ
ВОСТОКА
съ 1723 по 1747 г.

издани
ПРАВОСЛАВНЫМЪ ПАЛЕСТИНСКИМЪ ОВЩЕСТВОМЪ
по подлинной рукописи
подъ редакцію
НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

Часть I

С. Петербургъ

1885

✓asiliī, monk.
" "

СТРАНСТВОВАНІЯ
ВАСИЛІЯ ГРИГОРОВИЧА-БАРСКАГО
по
СВѢДЧЫНИХ ЖѢСТАНИХ
ВОСТОКА
съ 1723 по 1747 г.

изданы
ПРАВОСЛАВНЫМЪ ПАЛЕСТИНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
по подлинной рукописи
подъ редакціею
НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

ЧАСТЬ I

С. Петербургъ
Типографія В. Киршбаума, въ д. Министерства Финансовъ, на Дворц. плош.
1885

щихъся сѣмо и овамо по предъ кораблямъ. Пути бяше отъ Xio къ Солуню водою миль 400; еже аще благополученъ вѣтъ, за два дни съ иопци припливаютъ. ми же (понеже время осѣнне), пловохомъ цѣлую седмицу, въ четвертокъ бо отъ града Xio отплихомъ, въ четвертокъ же другій Септеврія 23 приплихомъ къ пресловутому граду Солуню.

Описаніе града Солуна.

О описаніи града Солуна послѣди изявити потщуся, по возвращеніи отъ Святихъ Горъ, аще Богъ изволить, понеже имамъ намѣреніе возвратитися; къ тому же пребихъ въ Солунѣ точію день и не могохъ ничто же разсмотрѣти. Пристанище мое тамо бистъ благополучно, понеже обрѣтохъ отъ своея страни знаемыхъ людей, къ тому же и Болгаровъ, и тіи мя угощау и наставиша въ путь. Отъдохъ отъ града Солуна Септеврія 26, въ день неделній, пополудни, съ прочими тамо живущими людми, понеже не можетъ тамо человѣкъ единъ или два путешествовать, но требѣ великой компанїи, многи бо тамо обрѣтаются разбойники, найпаче отъ Турковъ, которіи не токмо обдираютъ, но и забиваютъ, яко тамо частѣ слушатся оказіи, азъ же, понеже не возможохъ премѣнити намѣренія моего, пойдохъ, надѣющеся на Господа и молящи Его, да сохранить мя отъ наглоя смерты. Пришедшее же того дне въ вечеръ къ иѣкоей веси, пойдохомъ въ домъ нощевати къ единому человѣку, иже съ нами вкупѣ грядеше; той заутра не восходитъ ити къ Святымъ Горамъ, но повелѣ намъ ожидати, донель же соберетъ гроздія отъ поля и сотворить вино; ми же, аще и не хотѣхомъ, обаче ожидахомъ, трудно бо и страшно бистъ намъ ити въ малой компанїи, къ

тому же не знахомъ и пути, и пребихомъ тамо три дни, также разсмотрѣвше ложъ его и неправду, оставиломъ и обрѣтше иного пойдохомъ въ четвертокъ рано, Септеврія послѣднаго числа, Бога хранителя себѣ призывающи Идохъ же и азъ тотъ день съ ними вкупѣ добрѣ; также заходящу слонцу ослабѣхъ, се же того рады, яко много уже время прейде, егда ходихъ по земли, начинши бо отъ Венеціи дванадесять мѣсяцей все яздахъ по морѣ, того рады заби прежднихъ трудовъ тѣло и разслабися, болѣхъ же дозѣла ногами, яко едва могохъ ити, ибо по толь многомъ похожденіи шествовахъ, скоро сравняющеся въ бѣгу съ муломъ, иже далече скорѣе коня ходить; грядяще бо съ нами человѣкъ зъ муломъ, иже веци людскіе везяше, съ тѣмъ убо вси неотлучно грядахомъ, понеже всякъ боялся въ малѣ ити, къ тому же, кромѣ онаго проводника, всѣ чуждостранніе бяху и не знаху пути. Видѣвше онимъ мя помалу грядуща, не хотѣша мене ради замедлѣвати, ускоряху въ Святую Гору бити въ суботу, понеже на всякую суботу тамо на базарѣ торгъ бываетъ и всякъ спѣшится что нибудь или продати, или купити, оставиша убо мя того вечера. Азъ же идохъ нѣкій часъ самъ добрѣ, донелѣже свѣтъ видѣхъ; также егда приближися темнозрачна нощъ, безъ освѣщенія мѣсяца, погубихъ путь, самъ не вѣдяхъ, камо шествовахъ, хотѣхъ бо обрѣсти весь, мя бити близу, но бистъ далече, якоже послѣди разсмотрѣхъ, и ходихъ помежду лѣсомъ и горами, омася ногама и рукама стезю, яко три или четыри часа въ нощъ, но не слыхахъ гласа ни человѣча, ни песія, вздихахъ же къ Богу печалующи, да мя наставитъ на путь добрій, и ходихъ паки множицею возвращающеся и на страну удаляющи, того ради, яко многи пути ми являхуся, вѣдѣхъ бо ихъ отъ бѣлости, яко бѣла тамо земля бяше;

обаче ходящи ничтоже успѣхъ въ благое, но въ большую прійдохъ скорбъ и утрудихся дозѣла, помянухъ же тотъ случай бити мнѣ Божіе наказаніе, грѣховѣ ради моихъ множества. И положивше на себѣ знаменіе крестное, вздохнувъ ко Творцу моему, молящи Его, да мя сохранитъ отъ всякаго зла, и облегохъ, обаче не могохъ спати, помисловъ ради многихъ и страха, слишахъ бо множество по лѣсу бѣгающихъ и віюцихъ волковъ, и молихъ Владику и Творца моего, да не оставить мя наглою погибнти смертю. Таже услышавши мало псовъ лающія далече, воставъ отъ каменного ложа и сотворши крестное знаменіе на челѣ моемъ и моленіе къ Богу, да мя сохранить отъ всякаго зла, пойдохъ, ишуши пути съ слышаніемъ гласа псовъ, обрѣтше же, Богу мя наставляющу, путь, идохъ чрезъ всю нощь и уже окончевающейся ноши и начинаящейся дневи (прійдохъ) къ нѣкоему селу и уснувши мало отъ труда, тамо раздранніе на мнѣ сандалія повергохъ и взяхъ на нозѣ новіе, понеже имѣхъ, пойдохъ самъ въ пятокъ Окторвія 1, испросивше людій о показаніе пути, и Господу себѣ поручивши, идохъ же весь день и скоро и добрѣ, безъ блужденія, Богомъ наставляемъ; и уклонившуся солнцу на западъ, прійдохъ къ нѣкоей гостинници, при путь близъ моря стоящей; тамо економъ инохъ началствуяй, пріять мя добрѣ, и пренощевахъ. Оттуду заутра въ суботу, Окторвія 2, пойдохъ предъ восхожденіемъ слонца и шествовахъ яко до полудни добрѣ, также погубихъ путь и зайдохъ въ дубравы густіе и въ вертепи непрѣходиміе, плача и сѣтуя и молихъ Господа Бога, да дастъ ми кого отъ человѣкъ обрѣсти, да быхъ возможгъ въпросити о пути. И тако ми блуждающу на многъ часъ, обрѣтохъ двохъ человѣковъ, христіаниновъ, ходящихъ съ оружіемъ по пустини, тіи узрѣвшe мя не у еще ми

вопрошающу ихъ о пути, они мя первѣе вопросиша грознимъ гласомъ: откуду есмь и иду камо? Та вся ми добрѣ отрекшу и немнога глаголствующу съ ними, по-знахъ бо отъ очесъ человѣковъ лукавихъ суще, молихъ ихъ, да ми покажутъ путь къ Горѣ Святой, они же требоваху златици отъ мене за показаніе шути, азъ отрекохъ имъ, не токмо златици, но ниже дробнихъ денегъ что либо имамъ, понеже есть человѣкъ странній, нищъ и убогъ, путешествуя Христа ради о единомъ хлѣбѣ и водѣ, ни деньги собирая, но посѣща Святія Мѣста. Они же не вѣроваху словесемъ моимъ, но требоваху, да что нибудь денегъ мало дамъ имъ; азъ же обѣщахся дати имъ едину пару Турецкую, точю да покажутъ мя первѣе путь. Они же всячески мя понуждаху, да первѣе дамъ обѣщанное. Имѣхъ же азъ особно сокровенну пару едину токмо, и иземшпе ю отъ мѣста дахъ имъ, они же хотяху болѣе, азъ глаголахъ имъ, яко не имамъ, друзи, болѣе, они же начаху мя трусити и искати повсюду, обаче не обрѣтоша ничтоже въ мене, кромѣ единаго ножа и мало сухарцовъ, ихъ же носихъ при себѣ, не брахъ бо ничтоже съ собою, но оставилъ вся въ Солунѣ градѣ, слышахъ бо еще прежде о разбойницехъ, аще бо имѣхъ нѣчто отъ денегъ, обаче добрѣ сокрихъ, ихъ же не обрѣтоша, Богу мя сохраняющу; ризи же на мнѣ худи баху, ихъ же развѣ назъ взяти бы дерзнуль. Таже возсмѣявшеся ми и шути не показаша и оставиша мя тамо, отшедше во свояси; азъ же тогда въ велицей печали и радости бивши, въ печали, яко безъ путень, въ радости, яко свободенъ отъ рука разбойникъ. Воздхнувъ отъ всего сердца къ Богу, благодаряющи Его, яко убѣгохъ бѣль храненіемъ сили Его, таже пойдохъ съ висоти горы на низъ къ мору, хотящи брегомъ дойти, видѣхъ бо издалече Аеонъ гору, понеже есть зѣло ви-

сока, обаче пути не обрѣтохъ пройти къ ней, шествовавъ же брегомъ морскимъ, идѣже аще мощно бяше, а индѣже ни, то паки возлазахъ на гору и паки низъ пущахся, и тако ми тогда весь день мучащуся и не токмо уже вторіи сандалія, но и одежду пораздиравшу, еще же и руцъ и нозъ, помежду древеси и каменія лазашу, поразившу, и алчну и жаждну дозѣла бившу, благодарихъ Бога моего за вся мнѣ отъ него биваемая. Таже, уже приходящу слонцу на западъ, обрѣтохъ единаго инока на бреzi морскомъ сидяща и лояща удицею рыби, иже не отъ среди Святія Гори изїйде, но живяше на виноградѣхъ, внѣ монастирѣй. Той привѣствова мя любезнѣ и азъ его. Вопросивше мя, откуду есмь, что и како, и увѣдавши о всей приключившайся на пути нуждѣ моей, любовію и страннолюбіемъ возгорѣся къ мнѣ и взять мя отъ берега морскаго и поведе на гору, идѣже обиташе съ прочими законики, и приведя мя въ келію и повѣда прочімъ законникомъ, кто есмь и вся прилучшася на пути, и вси пріяша мя благодарственно и посадиша мя въкупѣ съ собою на трапезу и учредиша доволно, любящи мя, яко странна. Таможде обрѣтохъ единаго человѣка отъ своея страни, иже радъ бысть мнѣ зѣло. Тамо препочихъ три дни, понеже мѣсто красное, и церковь святаго Василія лѣпа, и виноградовъ премного, и ясти и пити что обрѣтохъ и людей добрихъ; тамо уже начинается зватися Святая Гора Аeonская, понеже тамо верху гори есть поставленній крестъ, да разумѣется граница начинаящаяся входа Гори Аeonскія, уже бо оттуду и монастыри недалече отстоять. Створши убо азъ тамо доброе тамо препочиваніе чрезъ три дни утруждennимъ и болѣзненнимъ ногамъ моимъ, умислихъ и обѣщахся предъ Господемъ вся тамо святія монастыри обрѣтающіяся посѣтити. Суть же тамо всѣхъ монастирѣй,

якоже прежде слышахъ, послѣди же самъ видѣхъ, 20, кромѣ скитовъ, ихъ же суть множество.

Краткое описаніе горы Аөтонскія.

Гора Аөтонская есть великая и висока, велику пустиню и непроходиміе вертепи въ себѣ имущая; есть же продолженна, и монастыри не на верху, но нанизу по-над-моремъ стоять, десять отъ страни восточнія, и другія десять отъ западнія. Оная гора отъ моря зрится бити аки островъ, понеже узокъ имать приходъ отъ земля, и едва не окресть обходитъ море. Отъ страни морской ея есть глава и чело, понеже наивисочайшая тамо верху иннихъ горъ. Гора стоитъ всегда темнimi покриваются облаки, именуемая гречески (Αθως) еже именуютъ славяне *Аөонъ*, сице проименованная, якоже слышахъ достовѣрнѣ, отъ единого идола, тамо иногда стоящаго на версѣ, ему же имѧ баше *Аөосъ* и ему же еще въ ветхіе времена покланяхуся Еллины. Тамо егда населишася иноки, опровергша его въ море, и на мѣстѣ ономъ создаша храмъ Преображенія Господня приличнѣ на горѣ *Θаворстъ* показавшаго славу свою, иже и доселѣ стоитъ, обаче тамо никто не живеть хладовъ ради превеликихъ и непостояннихъ стихій, но точію единози въ годь, мѣсяця Августа, въ праздникъ Преображенія Господня восходятъ тамо иноцы и сотворяютъ святую литургію и абіе скоро восходятъ низу, да не како поразятся вѣтромъ хладнимъ и воздухомъ чуждымъ. Понеже тамо страна есть тепла, и повсюду низу горы, во монастырехъ, найпаче въ время лѣтное, горячесть превеликая, точію тамо горѣ *Аөона* иная стихія. Отъ того древняго идола *Аөона* наречеся и гора *Аөонская*. И тако мнѣ умислившу всѣ тамо святіи посѣтити

манастыри, начахъ ходити чинно первѣе по странѣ восточной.

Описаніе монастыремъ,

отъ странны восточной стоящихъ, кромѣ сего, иже стоять на западной.

Вшедшу уже мнѣ внутрь самія святыя горы Аѳонскыя, прійдохъ къ первому монастиру Болгарскому, Октомврія 5 числа.

1 Монастырь Ізографъ именується.

Иже стоять далече отъ моря, между горами и пустинею, на мѣстѣ високомъ и красномъ лѣпо устроенный. Тамо азъ пришедши, видѣхъ врата и предвратіе честно созданіе и иконами Святыхъ списаніе, и не зная чина и обикновенія Святогорскаго, коснухъся внѣти въ врата, но абіе воспяти мя единъ отъ иноковъ, иже бысть вратарь. Той, видѣвъ мя по иночески одѣянна, разумѣвъ быти инока Святогорска,—азъ же не въ инока облекохся, но въ подобіе и въ сѣнь его, ибо не инокъ правилъ и житіемъ, но точію черноризецъ сотворихъся не чуждима, но своима рукама самъ себѣ чернія наложивъ ризы, се же сотворихъ еще въ панствѣ Венецкомъ, на островѣ морскомъ, зовомомъ Кефалонїя (о ней же прежде рѣхъ), по совѣту многихъ тамошнихъ иноковъ и священниковъ и нѣкіихъ благоразумныхъ людей, и по изволенію преставлшагося спутника моего іеромонаха Рувима того ради, да не разлученъ буду спутствующимъ, и да лучшое и свободнѣйшое имамъ путешествіе найпаче въ странахъ Турецкихъ. Аще бо и прежде черніе ношахъ ризи, путешествуяй къ Риму и возвращаяйся даже до Венеціи, обаче по чину пелгриловъ Римскихъ, иже сице одѣваются: черна риза опоясанна, круцификсъ или крестъ повишеній на персехъ.

жезль въ рукахъ великий, яко едва можно носити, плащъ краткій верху плечей, тиквица при поясѣ водношенія дѣля, капелюшъ на главѣ, вся одежда черна, кромъ же того еще и торбица, и та черна, въ ней же потребная носить. Аще же азъ вся та еще въ Вснечї оставилъ, егда случихся съ инокомъ, точію единъ капелюшъ ношахъ на главѣ моей, обаче мнози отъ Грековъ познаваху бити пелгрима Римска и усумнѣваху ми, дабимъ ихъ добрѣ содержаль вѣру, аще мя слышаху поюща и чтуща въ служеніи літургії съ инокомъ моимъ, обаче не вѣроваху, мняще мя въ путешествіи изучитися, и того ради малу милостину являху; Грекы бо зѣло ненавидятъ Рима и послушающихъ его; ненавидяху же мя частѣ отъ капелюша, найпаче же отъ язика Римскаго, понеже еще тогда незнаяхъ Гречески, точію разглаголствовахъ или Римски, си есть Итальянскимъ, или Латинскимъ нарѣчіемъ, ибо Римляне, Итальяне или Венеціяне себѣ подобнимъ разглаголствуютъ языкомъ, мало въ чёмъ разнѧщеся. Тогда азъ ничтоже болѣе премѣнихъ, точію капелюшъ на подкапокъ, клубука же не носихъ, понеже тамо та-ковъ обычай всѣхъ иноковъ. Тамо мя въ первомъ монастирѣ покушающася ити въ врата, стражъ вратный, разумѣвъ бити инока, и рече: отъ коего ти еси монастыря, яко не знаєши чина иноческаго? Азъ же отрекохъ: прости ми, отче святій, страненъ есь и не вѣдяхъ вашего обикновенія. Повелѣ же мнѣ пождати въ монастыря, самъ пойде возвѣсти игумену, кто есь и откуду. И по благословенію его повелѣ ми вѣйти, и рече ми, яко сей есть чинъ и обычай въ всѣхъ монастирехъ Святыхъ Гори, да якоже видишъ въ первомъ, тако и въ послѣднемъ. Похвалию же азъ сіе, яко безъ позволенія игумена, ип-кто же выходитъ вънутрь монастыря. Тамо вшедшу, пойдохъ первѣ въ святую церковь, и воздахъ должное по-

клоненіе честнимъ иконамъ. Таже изшедши изъ церкви, видѣхъ игумена и братію, отъ ихъ же кійждо свое творяше послушаніе, и соторихъ метаніе. Повелъ же мя игуменъ звати въ трапезу, и представиша трапезу, съчевицу варену, сиръ, хлѣбъ, и мѣру вина, и ядохъ и насытихся, и благодарихъ Бога. Замедлѣхъ тамо два дни, и разсмотрѣхъ лѣпоту монастиря и чинъ церковній. Востаютъ на утреню въ полуночи, отправляютъ по волѣ съ чтеніями по первой каѳизмѣ и по шестой пѣснѣ канона. Канонъ поютъ, а не чутъ, якоже въ насъ, Псалтиръ чутъ на странѣ, а не посредѣ церкви. Егда начнеть чести Ексапсалми, згашають свѣщи и паки, кончащимся, засвѣщають на „Богъ Господъ“. Полунощницу, девятій часъ и павечерню чутъ въ притворѣ, прочая же вся внутрь церкви. Литургія не на всякъ денъ бываетъ, токмо часи. По утрени расходятся по келіямъ на правило. Наченшуся дну, исходять всякъ на повелѣнное себѣ послушаніе. Предъ полуднемъ чутъ часи. По окончаніи часовъ заразъ входять изъ церкви въ трапезу. На трапезѣ чтенія не чутъ по вся дни, кромѣ неделѣ и праздника, понеже вичитують на утрени. По трапезѣ расходятся на послушаніе, — паки снисходятся на вечерню. По вечернѣ идутъ въ трапезу, кто хощетъ, понеже не все два рази ядуть. По трапезѣ въ церковь на павечерницу. По павечерници кійждо въ свою келію, да что хощетъ творить. Въ трапезѣ рано точію дается едино вареніе, въ вечеръ же сухояденіе; вино поставляется въ неделю, въ второкъ, четвертокъ и суботу. Въ прочія же дни вода.

Лѣпота монастыря того есть такова: стоитъ между горами въ великой пустини, при водѣ здравой, расположений на четыри угла, въ немъ же чинно и лѣпо келіи устроенніе, едни на другихъ даже до тріехъ степеней

високо стоящіе. Всякъ единъ особно свою имать келію. Церковь начальная посредъ монастыря отъ камене лѣпо устроенна. Глави покровенни имать цѣнію. Внутрь же вся иконописанна притчами евангельскими и иконами Святихъ, лампадами, свѣщами и панѣкадилами лѣпо устроенна. Низу дсками великими мраморними устанна. Суть тамо двѣ иконы святаго Георгія: едина по мору дойде, вторая изобразися на платнѣ еще прежде строенія церкви. Той образъ зовется Ізографъ, си есть, самописецъ,—отъ того и монастырь, созданій въ имя его, речется Ізографъ. Кромѣ же тоя началнія церкве и инія малія помежду келіями имать лѣпо строеніе и иконописаніе, и трапезу такожде имать лѣпу, внутрь исписанну иконами святихъ. Внѣ церкве особнѣ имать каплицу, создану отъ камене, и чаша посредъ велика, отъ мрамора изсѣченна, водосвятія рады. (Стоить же сей монастырь на западней странѣ горы, и въ немъ обитаютъ Болгары)¹, а не (Греки) и Болгарское творять пѣніе же и чтеніе. Тамо азъ пребихъ два дни и пойдохъ къ монастырю иному. Той наречеся Изографъ, отъ иконы святаго Георгія, яко самъ тамо изобразися.

Монастырь вторій, Хиландаръ зовомій.

Между горами низу, недалече отъ моря, яко полчаса отстоящій имущій въ себѣ иноковъ Сербскаго язика. Той зѣло множае строеніемъ и лѣпотою превосходить первого, найпаче преизбранной ради своей церкви. Тамо бо похваляхъ, здѣ же чуждуся. Тая обитель именуется царствующая или Лавра Сербская, понеже царей Сербскихъ строеніе есть. Аще же монастырь и низу стоитъ

¹ Слова въ скобкахъ въ подлинникѣ стерлись, а потому заимствованы изъ другихъ списковъ.

обаче церковь на високомъ фундаментѣ, въ нижне стѣнами входити требѣ. Внутрь имать четыри столпи мраморніе великие, и въ папертѣхъ двохъ по два, вся же иконописанна лѣпо дѣломъ царскимъ отъ глави даже до подножія. Подножіе все насажденно мрамори различными, искуснимъ художествомъ, лѣпіе пестроти показующое; чистое же, яко зерцало, яко съ жалѣніемъ и хожденіе по немъ. Свѣщами и кандилами далече краснѣйше устроенно тамо, нежели въ первомъ монастырѣ. Келіи и тамо строенія единакового, токмо расположенія далече болшаго. Церковь главъ много имать, и покровъ ея весь уже не отъ цѣни, но отъ нѣкоей руды, иже имать половину сребра, сотворенній отъ нѣкоего пребогата ктитора, иже имѣяше во области своей таковое мѣсто, отъ негоже ископоваше ону руду. Той изять цѣновій покровъ, иже прежде бяше, и сотвори оній многоцѣнній или безцѣнній. Отъ первого же содѣлаша суди, потребніе въ монастырь, иже и доселѣ и обрѣтаются всѣ сосуди цѣновіе, маліе и великіе. Трапезу имать такожде прекрасну и велику, внутрь всю иконописанну лѣпими притчами и гисторіями, и отвѣтъ такожде. Имать же всѣ столи отъ мрамора бѣла и чиста сѣченіе, еще отъ ветхихъ временъ, коштомъ царей Сербскихъ. Весь монастырь висланъ каменемъ гладкѣ, воду имать текущую отъ горъ. Словомъ рещи,—вся лѣпа, вся во всемъ красна обитель; но точію, Божіимъ попушеніемъ, Богъ вѣсть откуду, издалече въ горахъ, между лѣсомъ, разжеся огнь и несень сильно шумнымъ вѣтромъ и испали многое мѣсто тамо лѣсовное, таже прійде и къ монастырю и сожже его до половини, кромѣ церкви. Того ради и братіи мало осталася, яко разбѣгоша въ время падежа онаго; обаче, красоти ради его, паки начаху снисходитися. Имать части мо-

щей много, и кровь Христа Спасителя, якоже азъ самъ чтохъ напечатаное въ книзѣ Московской. Иматъ же много иконъ чудотворнихъ Пресвятія Богородици, Троеручици образъ, иже имать три руки изображеніихъ. Бистъ бо отъ иконописца съ двѣма написанна, послѣди же и третая явися. Тамо азъ пребихъ денъ единъ и нощъ, и видѣхъ чинъ единъ тако въ церкви и въ трапезѣ, якоже и въ Болгарскомъ монастырѣ. Тамо пребывши денъ и нощъ, и видѣвши и слышавши многая, пойдохъ далѣй по ряду къ монастырю иному.

Монастырь третій, Сименъ именується,

якиби межи горь, якоже слишахъ истолкованіе отъ инока, понеже отъ всѣхъ странъ горы, онъ же въ единомъ удолѣ равномъ стоять, на самомъ брезѣ морскомъ, егоже огради, и вратъ въ время вѣтра касается волна морская. Лѣпъ строеніемъ церкви и келій, токмо маль и убогъ; обаче ничтоже отъ иныхъ требуетъ, но доволень въ всемъ къ препитанію и управлѣнію своему, и трапеза такожде лѣпа, иконописанна вся внутрь. Столи же имать древяніе; иноковъ имать мало, по силѣ своей. Сѣдить при водѣ здравой и сладкой, текущей отъ горь; питается отъ моря, много ловящи животна, имать бо своя корабля и мрежа. Тамо азъ пришедши, идохъ первѣ въ церковь, ей же храмъ Вознесеніе Христово, и, сотворши свое путническое поклоненіе иконамъ святимъ званъ бихъ абіе въ трапезу, понеже время пріиде; и пойдохъ, и снѣдохъ въ славу Божію, и наситихся. Тамо обитають иконы Греческіе, и чутъ своимъ нарѣчіемъ; чинъ же одинаковій, якоже и въ прочіихъ. Оттуду пойдохъ къ монастырю иному.

Монастиръ четвертій, Ватопеть именуемій, первій
ветхостю строенія.

Болшій оть всѣхъ первихъ расположеніемъ, и кра-
сень строеніемъ. Церковъ начальну имать велику и лѣпу,
глави покровенны цѣнню суть, внутрь же вся иконопи-
санна иконами Святихъ и исторіями, отъ части же и
мусіею упещренна, древнимъ дѣломъ, обаче искуснімъ.
Храмъ Благовѣщенія есть. Подножіе ея все мраморомъ
различнимъ усланое, кандилами же и свѣщниками лѣпо
устроенна. Чудесами прославляется многими, оть ихъ же
зде три токмо полагаю начальнѣйшихъ иконъ чудотвор-
нихъ Пресвятія Богородица. Первая чудотворная икона
Пресвятія Богородицы стоитъ внутрь великія церкве на
горнемъ сѣдалищи, зѣло ветха, но вся златомъ покро-
вenna, кромѣ лицъ Ея и Христа Младенца, Егоже дер-
жить на рукахъ Своихъ, иже черни и поразсѣдахуся
ветхости ради своей. Отъ той икони сотворися чудо
таковое. Нашедшимъ тамо давнихъ временъ нѣкіимъ раз-
бойникомъ, и хотящи раззорити и разграбити ону оби-
тель, и разбѣгшимъ же инокомъ, кій камо можаше со-
критися, единъ отъ нихъ, памятствуя и сожалѣваяся о
иконѣ, да како поругаются нечестивіи разбойницы, и
текши воскорѣ внутрь олтаря церковна, похитивъ ону
святую икону и свѣщу предъ ею велику горящую, и единъ
крестъ деревяній, впусти та вся въ кладязъ, иже отъ
давнихъ временъ бистъ тамо сотворенній внутрь церкве,
предъ престоломъ, не почерпанія рады и питія, но освя-
щенія ради води на новь мѣсяцъ, якоже и нынѣ есть
тамо обычай,—въ всѣхъ бо монастирахъ суть святыни
и особно, вѣць церкве, оть камене лѣпо строеніе.
И егда разбѣгощася старцы, страха ради онихъ разбой-

никовъ, и пребиваху въ иныхъ странахъ. Также, по многихъ временехъ, паки помалу начаху собиратися, и та бисть по откровенію Божію съ тоєужде свѣщою горящею, ни мало незгорѣвшою, Богу тако чудодѣйствующу въ иконехъ святыхъ, и прославиша вси иноцы Бога и Его Матерь, и доселѣ прославляютъ. Вторая икона исписанна въ притворѣ, на каменной стѣнѣ церковной, о ней же сотворися таковое чудо. Единъ тамо отъ діяконовъ младъ помѣташе церковь, и егда утрудися, пойде къ трапезному, моляци его, да дастъ ему чашу испити вина. Трапезный, или не имѣаше времены, или иной ради коей вину, отрече. Оный разгнѣвася и пойде въ притворъ (мню, діаволомъ подстрекаемъ) и ставши предъ онимъ образомъ рече: азъ тебѣ служу всегда, очищающи и омѣтающи тебе всегда, ти же ми не дасши единой чаши вина,—и, похитивъ ножъ, удари въ лицѣ, и аbie изїде токъ крове бистрь и воскочи въ очеса онаго діякона, и ослѣпи его; и нападе страхъ на нь великий, и паде полумертвъ на землю, и воскрича гласомъ великимъ отъ болѣзни. И стекошася иноцы, и видѣвши таковое чудо, прославиша Божію Родителницу, въ иконѣ чудодѣйствуемую. Тойже діяконъ до смерти живота своего, день и нощъ приходящи предъ оную икону, плакашеся и ридаше, қающиша и просящи Владичицу, да отпустить ему согрешеніе. И близъ смерти, бисть ему гласъ: отпускаютсѧ грѣси, токмо рука твоя, коснувшаяся сотворити сице, буди проклята. И егда оный діяконъ по смерти погребеся, тѣло согны, рука же по лакотѣ и доселѣ не согнила, суха и черна пребываетъ, къ тому же и смердить, юже иноцы заключенну при образѣ держать, въ незабвенную память онаго чудесе. На образѣ же и нынѣ рана съ кровію есть, юже азъ видѣхъ самъ, и лобизахъ грѣшними моими устами. Третая икона Пресвя-

тія Богородици такожде на мурѣ написанна въ оной церквѣ подначалной. Тая возгласи по имени игумена, и премѣнися въ изображеніи своеемъ: взять бо Младенца Христа (Его же держаше) за руку, и приложи къ устамъ своимъ, и доселѣ тамо стоять, чудесни и величании усть чудихъ прославляема. Тако и трапеза зѣю красна, внутрь вся иконописанна; столи же отъ мрамора бѣла, гладцѣ и лѣщотнѣ тесанніе. Тамо вода здрава, къ тому же изобилна. Имать своя корабля и мрежа и ильинъ, отъ потока горна мелюпцій. Тамо пребиходъ день и нощъ. оттуду пойдохъ по ряду, чрезъ гори, лѣсь и долини, къ монастиру инному.

Монастиръ пятій, Пандократоръ,

си есть Вседержитель, рекомъ сице отъ храма Преображенія Господня. Той монастиръ, аще и не tanto великъ есть строеніемъ, якоже прочіи, но и не малъ, обаче лѣпотенъ строеніемъ, якоже и ініи. Стоить прекрасно надъ самимъ моремъ, на единомъ обширномъ холмѣ камennомъ, или, простѣ рекши, на скаль, въ нюже море біеть сильно въ время вѣтра, обаче монастира не вредить вичтоже. Имать церковь прекрасну, покровенну цѣнію, посланну мраморемъ различнимъ, внутрь иконописанну, трапезу же убогу и пристарѣлую, очернену, съ столи древяними. Имать своя корабля и мрежа и странноопріемницу красну и воду здраву, текущую отъ горь. Чудеснаго тамо не видѣхъ ничтоже. Оттуду по пренощеваніи пойдохъ паки горами и пустинею къ монастырю инному.

Монастырь шестій, Ставроникита проименованный,

стоить на таковомъ же мѣстѣ, яко и пятій (Пандократора), си есть, низко подъ горами надъ самимъ моремъ, на единомъ камennомъ холмѣ устроенній. Подобитъ въ строеніи прочіимъ, токмо малѣйшій отъ всѣхъ прежднихъ, и церковь такожде малу имать, обаче строеніемъ и лѣпотою красну. Трапезу имать убогу и малу съ столи древяними Иматъ воду здраву, текущую. Монастырецъ оній тако отъвнѣ, яко и отънутрь есть красенъ, токмо убогъ, и братія мало, обаче имать вся доволна къ кормленію. Откуду наречеся Ставроникита? Имя сіе есть сложено отъ двоихъ словесъ: отъ единаго *ставро* и втораго *Никита*. Ставръ есть слово Греческое, Руски толкуется крестъ; Никита же имя бистъ единому пустинножителю, иже тамо прежде даже монастырь не бистъ, жителствоваше и дѣлало кресты. Того ради отъ дѣланія крестовъ проименованъ бистъ оній пустинникъ Ставроникита, си есть Крестоникита. Тамо, на мѣстѣ ономъ, егда и монастырь создася, сице наречеся. Монастырецъ оній уже вторицею воздвигнуся по раззореніи своеемъ огненномъ. Храмъ тамо первѣ бистъ Святаго Ioанна Предитечи, нынѣ же Святителя Христова Николая. Чесо ради? По запустѣніи онаго монастира (якоже слыхахъ), пришедшимъ уже лѣтомъ многіимъ, единъ изъ патріархъ Цариградскій прішли въ Святую Гору, посѣщенія ради, и егда пріиде на оное мѣсто, на немъ же точію едина висока вежа стояше, та неврежденна огнемъ, — возлюбися оному патріархъ мѣсто то, ловленія ради рибъ, и повелѣ вергти тамо мрежу. Створши убо повелѣнное, извлекоша рибъ множество и икону невелику, яко на лакотѣ, на десцѣ древяной изображенную. Бистъ же образъ Святителя

Христова Николая, его же лице покровенно бисть маргитною кожею, си есть, простѣ рекши, перловою матицею, въ ней же они родятся. Се же сотворися сице Промысломъ Божіимъ, да невредимо будетъ лице святія икони. Видѣвъ же ю патріархъ сице покровенну морскою чашею, повелѣ отодрати силою, понеже держашеся крѣпко, акиби пригвожденна, и егда отверзоша, видѣша лице святія икони лѣпо изображенno, и язву аки съ кровію, червленну имущое, нѣкіимъ орудіемъ желѣзнимъ разстѣченну. Уарѣвъ же патріархъ и вси съ нимъ присутствующіи таковое чудо, прославиша всемогущаго Бога и дивнаго въ святихъ Чудотворца *Николая*. И рече патріархъ, яко Божіе се изволеніе, еже сотворитися монастырю на мѣстѣ семъ въ имя Святителя Христова Николая. И созда монастырь оній, аще и малъ, обаче лѣпъ; чудотворную же оную икону, покривши златомъ и драгими каменѣми, поставиша одесную въ церквѣ, иже и доселъ стоитъ чудесами прославляема. На маргитной же оной чаши, яже бяше верху лица икони, изобразиша искуснімъ ритимъ художествомъ панагію, съ нею же (яко же есть обычай) иноцы по трапезѣ творять трисвятое даже и доселъ, незабвенного ради чудесе, яже вся та видѣхъ и лобизахъ азъ грѣшній. Се чудесно воистину, яко язва оная, яже на иконѣ, червленна съ кровію, акиби въ живомъ тѣлѣ, къ тому и благоухаетъ. Образъ оній ветхій зѣло, повѣтствуютъ, понеже уразумѣся отъ числа иконописцева, въ кое время содѣла его. О язвѣ же, откуду взяся сице глаголютъ: яко въ время иконоборства, егда многи восташа еретици, иже не хотяху поклонятися иконамъ святымъ, въ той чась единъ отъ еретиковъ, ругающиisя, удари нѣкіимъ орудіемъ желѣзнимъ и верже въ море. Се же мнѣть бити творимое въ Цариградѣ, понеже тамо наиболше биваше

ереси; обаче Божіими судбами какову прейде глубину и широту морскую, и обрѣтесь въ Святой Горѣ, яже отъ Цариграда отстоитъ пятю сотъ милъ. Но да вѣси, читателю тщаливій, каковаго неопѣненнаго дѣла есть оная икона: не бо писана цвѣтами и колорами, якоже нинѣ творять иконописци, но вся драгими и дробными каменцами искусно истканна и насажденна, меншими пшеничнаго зерна, сице гладко и лѣпо, яко, не присмотрѣвшися, нѣсть мощно познати, писана ли или ни. О премудрости и тщанія древнихъ иконописцевъ! ихъ же нѣсть мощно обрѣсти въ нинѣшніе времена. Сего ради монастырецъ оній, аще есть и малъ строеніемъ и славою и богатствомъ убогъ, обаче повѣстю своею и оною чудотворною иконою есть велика. Тамо азъ пребыхъ день единъ и нощъ и оттуду пойдохъ въ высоту гори къ монастырю иному.

Монастырь седмый Котлумушъ.

Оный монастырь есть красенъ отвнѣ и отвнутрь, стоитъ близу базара яко за польпоприща, отъ моря далече и високо, яко въ польгори, имать церковь лѣпу и пространну, внутрь всю иконописанну, съ подножіемъ мраморнимъ, пестротами устроеннымъ. Глави ея покровенни дѣнію. Трапезу имать високо стоящую между келіями, внутрь всю иконописанну, въ ней же столи начальнѣйши мраморніе, послѣдніе же деревянніе, обаче чинно устроеніе. Монастырь оній нѣсть сице славенъ и богатъ, якоже прочіи начальнѣйши, обаче иноковъ имать многа и вся на потребу доволна. Сѣдить при водѣ здравой, между лѣсомъ великимъ, каштановое древо имущимъ. Тамо азъ замедлѣхъ день и нощъ, и пойдохъ паки низу гори ко монастырю иному.

Монастиръ осмый Іверъ.

Оный монастырь сице назвася отъ ктиторей и создателей своихъ, иже бяху отъ земли Іверскія; красенъ же строеніемъ и богатъ. Сѣдить близъ моря, на брезѣ, между високими горами; имать церковь прекрасную, отъ камене созданную, покровенну цѣнію, внутрь же иконописанну честно иконами святихъ, отъ притчей евангельскихъ, поликандилами, иконостасемъ и лампадами устроенна лѣпо. Подножіе ея отъ мраморей различныхъ цвѣтно и красно усланное, имать же въ единомъ церковномъ углѣ часовникъ, лѣпо содѣланній, съ четверогласнимы квадранси, добrogласенъ и сладко слышателъ всѣмъ. Монастырь оній нѣсть зѣло високъ, токмо обширенъ. Иматъ же трапезу и прекрасну и пространну, внутрь всю иконописанну честно, столи же всѣ отъ камене мраморнаго, искусно и гладко тесанніе, имать. Есть же тамо и чудотворная икона Пресвятія Богородици, отъ Никеи въ время иконоборства приплывшая, ей же возлюбися мѣсто при вратехъ монастырскихъ. Не хотяше бо въ великой церкви стояти, многажди исходяще оттуду. Таже единою и гласть бистъ отъ нея сицевы: „что мя стужаете? не прійдохъ, да мя стрежете, но да стрегу вы“. Отъ того часа иноцы не преносиша оттуду, но создаша при вратехъ церковку малу въ имя Ей, и нарекоша имя иконѣ той нарѣчіемъ своимъ Греческимъ: Портантиса (еже есть) вратарница, понеже при вратехъ себѣ возлюби мѣсто. Есть же еще тамо вторій образъ Господа нашего Іисуса Христа. такожде чудотворній, его же глаголютъ истинную мѣру и изображеніе быти, якоже въ мирѣ бяше. Тамо азъ пребивахъ денъ единъ и нощей двѣ, и пойдохъ оттуду чрезъ великие гори и долини къ монастырю иному.

Монастиръ девятій Филоеї.

Монастиръ оній стоитъ далече отъ моря, на високомъ мѣстѣ, яко въ польгоры, на мѣстѣ прекрасномъ и равномъ, подъ горами високими; расположенія подобнаго съ прочими, токмо меншаго. Високости мѣрной, понеже до тріехъ степеней кели, едини верху другихъ устроеніе. Церковь имать простаго строенія отъ камене проста, отъ мрамора ничтоже тамо, и иконописанна неискусно. Покровъ ея каменній, а не якоже въ прочихъ цѣновій. Монастиръ оній есть убогъ, и иноковъ имать мало, обаче питается доволно, понеже сѣдить на равной и мягкой земли, при водѣ же зѣло здравой и изобилной, непрестанно потокомъ велиkimъ, аки рѣчица, текущей; на ней поставленную имуть мелницу, отъ нея же приобрѣтаютъ ничто користи; прочее же отъ оградини питаются. Тамо пришедши азъ въ суботу въ вечеръ, и токмо пренощевахъ. Заутра же въ неделю пойдохъ рано къ монастырю иному на службу Божию, понеже бистъ недалече.

Монастиръ десятый, Каракаль.

Той стоитъ еще подъ вишими горами, близъ Аѳона, недалече отъ моря, яко за поприще едино; аще и малъ, обаче лѣпотенъ строеніемъ тако отвѣтѣ, яко отвнутрь; и церковь имать такожде малу, токмо красну и расположениемъ, и зданіемъ, и иконописаніемъ, кандилами же и свѣщами честно устроенну. Глави ея цѣнію покровенни, и подножіе мраморное гладкое, съ пестротами. Монастиръ оній долготою и широтою малъ, висотою же мѣренъ. Иноковъ имать мало, обаче въ всякой потребѣ ненуждень, имать бо своя корабля и мрежа и прочая при-

битки, ими же питается. Оттуду того же дне, по трапезѣ, пойдохъ на нощъ къ монастырю иному. Се же того ради незамедлѣвахъ нагдѣ, скорѣйшаго ради обхожденія всѣхъ монастырей, понеже не во время прійдохъ въ Святую Гору, уже бывшу тогда мѣсяцю Окторвію. Бысть же тогда осень и бояхся, да некако ускоритъ зима и не укончу посѣщенія всѣхъ монастырей. Зима тамо такожде велика есть, найпаче ядовитѣ вѣтри отъ верху Аѳона исходятъ, и невозможно путешествовати боязни ради поврежденія.

Монастиръ единадесятый Лавра.

Монастиръ той стоитъ въ самомъ конци гори Святой, подъ самимъ онимъ превисокимъ Аѳономъ (о немъ же прежде рекохъ), на равномъ и прекрасномъ мѣстѣ, уединенъ далече отъ всѣхъ монастырей, отъ брега висока, яко за поприще едино. Расположеніемъ и строеніемъ и величествомъ похвали достоинъ тако внутрь, яко и внѣ. Тамо посредѣ монастыря суть двѣ церкви великие, съ главами, покровенными цѣнію, и съ подъножіемъ мраморнимъ двѣторазличнимъ, съ иконописаніемъ же лѣпотливымъ, и устроеніемъ кандилнимъ, и всякою лѣпотою удовлетворенны. Трапеза такоже и велика и красна зѣло, въ ней же столи отъ мрамора бѣла, гладкимъ и искусствимъ художествомъ изсѣченіе. Сѣдить при водѣ здравой, текущей изобильно отъ спуда Аѳона. Имать братій зѣло много, множе паче всѣхъ монастырей. Есть бо монастырь оній славою и честію, и богатствомъ и первенствомъ вся превосходящій, и акиби главою есть въ Горѣ Святой, понеже никаковій соборъ, ни судь, ни что либо ино безъ его цовелѣнія бываетъ. Обитель она много содержить мѣста. Ни въ чёмъ есть

оскудна, но въ всемь изобилна, тако въ пѣнязехъ, яко и въ прочихъ прибиткахъ. Оттуду пойдохъ окружъ онаго Аѳона, поряду, уже завращающи на страну западную Гори Святой. Идохъ же три дни зѣло нужднымъ, жестокимъ и прискорбнимъ, отчасти же и ужаснимъ путемъ, по сухомъ и остромъ камени, помежду не проходими вертепами и не обрѣтохъ ни единаго монастыря, токмо все пустинножителѣ, скитающи въ горахъ и вертепахъ, инни же въ пещерахъ. Аще же и при всякомъ монастырѣ суть много скитовъ, обаче нѣ суть иноки толь жестокаго житія, якоже тамо суть двѣ мѣста, на нихъ же обитаютъ оніе уединеніе пустинницѣ. 1) мѣсто именуется Капсокави; оное мѣсто есть сухо и голо, и знайно въ лѣтѣ дозѣла. Тамо иноцы особнѣ единъ отъ другаго живутъ, и всякъ въ своей келіи имутъ церковцу малу моленія ради особнѣе, едину велику общую, въ ней же вси сошедшеся, въ неделю и праздники, творять бденіе. Тамо ничтоже имутъ, ни ограда, ни сада, кромѣ древа лѣсоваго, и то мало, тако бо изволиша нужно тамо сѣдѣти, прискорбнаго Христа ради житія. Устроиша келіи на единомъ сухомъ камени, надъ крутыми и ужасными провалинами, помежду скалами, по надъ моремъ стоящими, подобнѣ яко птенцы гнѣзда своя. Питаються единимъ рукодѣліемъ, ово крести, ово ложици дѣлающе. Тамо бихъ у единаго монаха стара, первого между ними, и нощевахъ у него, ему имя Акакій, той прославляемъ есть отъ всѣхъ въ Святой Горѣ, богоугоднаго ради своего житія, и есть первый между всѣми, скитающимися тамо. Слишахъ же, яко имѣеть даръ Духа Свята прозорливости. Второе мѣсто именуется Святыя Анни. Тамо скитовъ четыредесятъ въкупѣ, въ нихъ же по два или три старца обитаютъ, всякъ свое творяй рукодѣліе, отъ него же питается продающие; не мо-

жеть бо тамо безъ рукодѣлія сѣдити, понеже нѣсть ни мало мягкой земли на сажденіе лозъ, или на всѣваніе зерна. Токмо шафранъ сѣютъ, мало гдѣ изобрѣтши земли. Скали же тамо великие и остріе. Путь же прискорбенъ тамо отвсюду, и чудесно строеніе келій въ подобіе ластовичихъ гнѣздъ, идѣже отнюдь неудобъ мнятъ поставитися келіямъ, обаче чудеснѣ (Богу ихъ вразумляющу) прилѣпляются чудеснѣ, гнѣздящіеся, якоже рѣхъ, въ истинну въ подобіе ластовицъ. Имутъ же своего началиїшаго, его же послушаютъ. Имутъ же и соборную церковь, древню, въ имя Святія Богопраматере Анны, въ нюже въ недели и праздники снисходятся вси. Тамо ми обычное сотворшу поклоненіе, (пойдохъ къ монастырю инному) ¹.

Монастиръ дванадесятій, святаго Павла.

Именуется отъ создателя своего, святаго Павла Аeonскаго; той стоять отъ моря, яко за полѣпоприща, различенъ строеніемъ отъ всѣхъ прежднихъ. Стоить подъ самимъ Aeономъ, отъ страни западной, низу, устроенъ чудеснѣ на острой скалѣ, юже несоглашающе въ стѣну въмороваху. Сѣдѣланъ въ подобіе единой вежи узкимъ дѣломъ, обаче зѣло високимъ, яко даже до пяти степеней, едни на другихъ цели стоятъ. Церковь, яже есть святаго Георгія, не имать главъ, но вся совокуплена вкупѣ съ келіями подъ единимъ покровомъ, обаче внутрь и строеніемъ, и иконописаніемъ лѣпа, найпаче же прекрасно свѣтилниками и полѣкандилами устроенна. И трапеза таожде лѣпа. Сѣдить при водѣ здравой и многой. Имать бо потокъ великъ и бистръ, текущъ съ

¹ Слова въ скобкахъ въ подлинникѣ стерлись, а потому заимствованы изъ другихъ списковъ.

подъ самаго спуда Афонскаго; при немъ же и мелницу сооружиша. Имать же своя корабля и мрежа. Обитель изрядна строеніемъ и необычнымъ; токмо убога, и ино-ковъ зѣло имать мало. Иноци же суть языка Сербскаго. Тамо прискорбное отчасти житіе, понеже сѣдить между великимъ яромъ, подъ стѣною високой гори, на сухомъ камени, и отъ лѣса, и отъ базара далече; обаче доброе мѣсто, аще кто хощеть жити на уединеніи. Тамо пре-быхъ денъ и полъ и пойдохъ чрезъ великии гори и яри, древа на себѣ великаго не имущими, токмо малое хвра-стіе и каменіе великое, и дойдохъ къ монастыру иному.

Монастиръ третійнаадесять, Діонисатъ.

И той такожде зовется отъ имени сооружителя сво-его; и той такожде високаго строенія и на високой острой каменной скалѣ стоить, якоже и святій Павель; токмо подъ нижшими горами и близъ моря, яко единощи верг-нути каменемъ. Расположенія ширшаго, и внутрь далече пространѣйшій и веселѣйшій. Церковь имать особнѣ раздѣленну, посредъ монастыря стоящу, ей же имя Иоанна Предитечи,—лѣпотна строеніемъ и дѣломъ, якоже и во прочіихъ началнѣйшихъ монастырехъ, си есть, съ столпами каменными и подножіемъ мраморнимъ, гладцѣ послан-нимъ. Свѣщами же и лампадами доволно украшена, и иконописанна отъ верху до низу чисто, глави имать чино съоруженніе, и покровъ ея весь пѣновъ. Трапеза же толь красна и строеніемъ, и иконописаніемъ, яко дивитися воистинну, лже аще бы имѣла столи отъ камене сѣченіе, якоже въ прочіихъ монастырехъ, пре-восходила бы всѣхъ лѣпотою и величествомъ. Иноци тамо обитаютъ Греческіе, числа доволнаго. Чинъ цер-ковній управляютъ добрѣ. Кормятся доволно, наи-

паче жо отъ моря, имать бо своя корабля и мрежа, и мелницу на водѣ текущой, подобнѣ, якоже и въ прежднемъ. Стоитъ далече отъ лѣса и отъ базара, и трудное тамо путешествіе, обаче полезное къ спасенію. Тамо прійдохъ съ вечера и пренощевахъ. Таже заутра рано пойдохъ паки тяжестнимъ путемъ по-надъ моремъ, чрезъ високія преходящи гори и сухіе, на нихъ же мало гдѣ обрящеши великаго древа, токмо храстіе мало, камене же много, и прійдохъ къ монастыру иному, четвертому надесять.

Монастырь четвертій надесять, Григоріу.

И той также именуется отъ своего ктитора. Сѣдить на самомъ брезѣ морскомъ при водѣ, малъ и низокъ строеніемъ храмъ Святителя Христова Николая, неразлученъ въкупъ, но совокупленъ, весь бо монастырь подъ единимъ покровомъ каменимъ, и сверху ничто не познается, токмо, яко едина полата стоитъ. Внутрь же имать вся сокровенна. Церковь простаго строенія, обаче лѣпаго укращенія, и подножіе бѣло мраморное. Трапезу имать малу, съ столи древяными. Монастырь оній прежде бяше Болгарскій (якоже слышахъ), суть бо тамо еще старіе и книги Болгарскіе. Таже по запустѣніи населишася Греки, иже и доселѣ обитають. Монасирецъ оній малъ и некрасень, иноковъ же имать довольно, и питается добре; имать же своя корабля и мрежа, Отъ лѣса стоитъ поблизу, отъ базара далече, яко четыри часа хожденія имать. Сѣдить подъ горами високими, при водѣ здравой; чинъ свой управляетъ, якоже и прочіи. Тамо мало замедлѣхъ, токмо сотворихъ свое обычное путническое поклоненіе, и снѣвши трапезу, пойдохъ паки по-надъ моремъ, високимъ и тяжестнимъ пу-

темь, чрезъ гори, древесъ мало, токмо каменіе имущими, и прійдохъ того же дне, уже заходящу слонпу, къ монастыру пятнадесятому.

Монастиръ пятнадесять, Симопететра.

Оній монастиръ зъло удивительній и строеніемъ, и мѣстомъ,— яко не вѣмъ, како тебѣ, (благій читателю), изобразити; многіи бо его видившіи (якоже слыхахъ) чудятся, како и каковимъ образомъ тамо устроися, и како держится. Мѣсто же его есть таково: холмъ единъ каменій, великий и высокій, отлучно отъ горъ, зъло высоко отъ брега морскаго, подъ самимъ верхемъ горъ стояцій, на немъ же монастиръ, подобнѣяко и святый Павель, устроенны си есть, даже до пяти степеней едини келіи верху другихъ стоять, обаче основаніемъ еще далече височайшій, и строеніемъ чудеснѣйшій. Аще бо и той на остромъ и высокомъ холмѣ каменномъ стоитъ, но отъ единія страни придержится горою, понеже близъ гори стоитъ; тойже на уединенномъ далече отъ горъ, на единомъ, зъло высокомъ холмѣ каменномъ, высоко и кругло устроенній, аки едина нѣкая прекрасная вежа, или столпъ стоитъ. Роги или угли онаго холма внутрь стѣнъ монастырскихъ умуроаны, понеже не могоша его соравнити толь высокой машины; внутрь же монастыря и нинѣ подножіе не равно, но индѣ гори, индѣ же долини. Широтою есть узокъ, якоже и холмъ; егда же кто отъ верху высокихъ келій низу смотритъ, тому душа униваетъ отъ великой высокости, понеже около онаго холма яри глубокіе, и отъ моря страна крута. Монастыръ оній лѣпотень строеніемъ отвѣтъ и внутрь; целіи едини на другихъ чинно устроенніе, иноковъ имать довольно, суть же иноци Греческіе. Воду имать текущую издалече, отъ

верху горъ, по верху муроу къ монастыру, понеже монастырь не касается горъ стѣною, того ради особнѣ содѣланніе мури отъ горъ даже до монастыра, прешествія ради воднаго. Церковь имать Рождество Христа Господа вкупѣ съ келіями съвокупленну, лѣпу, височайшую целій, ея же верхи цѣнію покровенни, и внутрь вся иконописанна съ подножіемъ мраморнимъ и со кандиннимъ устроеніемъ. И трапеза такожде красна и прстранна. Обитель красна и чудесна строеніемъ, въ пищи доволна. Имать пристанище корабельное. Отъ лѣса недалече, отъ моря високо, отъ базари три часа. Тамо азъ замѣдлехъ нощъ едину. Оттуду заутра пойдохъ паки велики горами, обаче путемъ равнимъ и не толь каменистимъ. Таже съблудихъ отъ пути, и пойдохъ между великіе гори и вертели, и чрезъ непроходимій предирахся лѣсь, ктому ліяшеся дождь и многую претерпѣхъ нужду и скорбъ даже до слезъ, омоченъ, отягченъ и утужденъ сій дозѣла, и ходяхъ тако безпутенъ, яко три часа, воздихающи и молящися къ Богу, да мя наставить на путь добрій. Таже обрѣтохъ стезю велику и по малѣ прійдохъ къ монастыру иному.

Монастырь шестійнаадесять, Ксеропотамъ.

Той монастырь сѣдить на равномъ и красномъ мѣстѣ, подъ горами не великими, уже бо оттуду нижшіи начашася гори, отъ моря яко за поприще едино. Лѣсь же всюду окресть великъ, воду имать здраву, текущу отъ горъ. Строенія обширнаго, токмо низкаго. Церковь имать красну и строеніемъ и иконописаніемъ, съ главами и покровъ цѣновимъ, и подножіемъ бѣлимъ мраморнимъ, и трапезу такожде лѣпу и велику. Монастырь изрядень, токмо отчасти убогъ, питаетжеся нуждно, и

братії имать мало. И ноки же тамо обитають Греческій.

Тамо азъ зѣло мало премедлѣхъ. Токмо бо пришедъ, сотворихъ свое должное путническое въ церквѣ иконамъ святимъ поклоненіе, и снѣдши трапезу, пойдохъ далей. Бистъ бо день суботній, и недалече отстояше монастырь Русскій, и ускоряхъ тамо прійти на вечерню, хотя послужити въ церквѣ, еже и бистъ тако.

Монастырь седмійнадесять, святаго Пантелеймона.

Пришедшу ми въ монастырь Русскій еще прежде вечерни, узрѣхъся съ иноки, отъ моєя страни сущими, и привѣтвовахъся съ ними, и рады бихомъ другъ другу, и пріяша мя съ любовію, яко странна, благодарствующе за толь великия труди и за посѣщеніе, и молиша мя, да пребуду съ ними вкупѣ въ монастырѣ, или, аще ни, то поне замедлю нѣкое время. Азъ же любве ради ихъ замедлѣхъ тамо три дни, и ходяще по вся дни на правило церковное, поюще и чтуще съ ними вкупѣ, и доволни биша мною, и видѣхъ чинъ ихъ въ церквѣ и трапезѣ таожде, яко и въ прочіихъ монастырехъ Святогорскихъ, а не тако, якоже вся иначе творять въ своей земли, на Руссіи. Чинъ же ихъ есть таковъ, якоже слышаль еси прежде въ монастырѣ первомъ, Болгарскомъ. Монастырь оній не великъ, обаче лѣпотенъ, якоже и прочіи, бяше строеніемъ, нинѣ уже обѣтша, понеже много лѣть пусть стояше и не бяше даже доселѣ кому онаго снабдѣвати. Сѣдить же на мѣстѣ паче всѣхъ монастырей краснѣйшомъ и вишшомъ, на самомъ верху горы, на мѣстѣ равномъ, на земли мягкой и плодоносной, камене неимущой, или зѣло мало. Токмо лѣсомъ окружень великимъ, въ немъ же древесь до избитка довольно и къ паленію и дѣланію ручному, наиболше тѣхъ,

иже плодъ приносять къ яденію и иному употребленію, яко то древеса каштановіе, бобковіе и прочіи. Церковь тамо лѣпая, якоже и въ прочіихъ монастирехъ, си есть, верху покровъ цѣновій иматъ, внутрь же подножіе мраморное съ пестротами, и иконописанна отъ глави до ногу, токмо зѣло ветха и поразсѣдася на многихъ мѣстѣхъ, кому же нѣсть тако устроенна иконами, кандилами и лампадами, якоже индѣ; убога бо ъсть, и не имать что откуду взяти, и не обрѣтается ктиторъ или досмотритель ея. Трапеза такожде и пространна и лѣпо внутрь списанна иконами Святихъ. Воду имать сладку и здраву, текущую же и почерпателную. Словомъ рещи, доволно изрядна и на красномъ мѣстѣ стоящая обитель, токмо зѣло нища и убога, яко едва съ нудею воскормляется. Аще бо и много имать землѣ подъ своею властію, и села имѣяше, якоже свѣдильствуютъ грамоти старинные, но нинѣ чужда рука владѣеть, понеже нѣсть тамо кому простерти язика, ни руки въ снабдѣваніе онихъ добрь, строители бо или игумени все биша чужди, или отъ Грековъ, или отъ Болгаровъ, отъ Руси же ни единъ бистъ (якоже слыхахъ); понеже тамо отъ Руси мало приходятъ, или аще и приходятъ поклоненія ради, то паки бѣжать воскорѣ, яко дивіе серны отъ тенета. И вѣру ми ими, истинну бо ти реку, благій читателю, яко наша Русь не токмо тамо, ни въ коемъ иномъ Святія Гори монастырѣ не можетъ долго пребывати, развѣ кто подражаетъ Іовлему терпѣнію. Въ нашей бо странѣ иночи въ монастирехъ аки святіе въ раю пребываютъ, въ всякомъ доволствѣ и безмолвії, не трудящіеся ни о чемъ, токмо своеемъ спасеніи, понеже тамо имутъ села и подданніе, иже вся потребная монастыревѣ содѣлываются. Въ Горѣ же Аeonской ничтоже отъ сихъ имущій, въ рукахъ Турецкихъ суще, иночи труждаются денно и

нощно, работающе съ изліяніемъ пота; днемъ копающе землю, и творяще лозіе винограда, и въсѣвающе зърно пшенично, имъ же питаются; нощю же труждаются о спасеніи своеемъ, — и того ради Россійщики бѣжать оттуду вскорѣ, яко ненавикоша труда земледѣлнаго. Тамо же инако жити не можетъ, понеже единѣмъ трудомъ и себе всяку требѣ удовлетворити, и отъ Турка откупитися, ему же многія даютъ деньги, да не изгнаніи будутъ, понеже тамо лѣпотою есть инокомъ райское жителство. Тамо въ монастырѣ Русскомъ обрѣтохъ тогда четири токмо, иже пребывають законники: два отъ Руси, а два отъ Болгаровъ, и игуменъ Болгаринъ бяше. Имутъ свою мелницу и нѣколико скитовъ, отъ ихъ же мало користи взимаютъ, и питаются, якоже могутъ и якоже ихъ Господъ управляетъ. Тамо азъ любве ради Русскихъ иноковъ и сожалѣнія ради осиротѣлой, убогой обители, премедлихъ три дни. Таже пойдохъ къ монастырю инному.

Монастырь осмыійнадесятъ, Ксенофъ.

Той монастырь сѣдить на самомъ брезѣ, егоже въ время волненія касается вода морска. Строенія низкаго, подобнаго якоже и Рускій. Церковь имать лѣпу, съ многими главами, покровенными цѣнію, иконописанну внутрь красно, съ подножіемъ мраморнимъ, и трапезу лѣпу доволно. Сѣдить при криницѣ здравой, текущей отъ горы. Убогъ едва не тако, яко и Руской. Имать своя кораблеца и мрежа, и мелницу при потоку водномъ, отъ ихъ же мало користи взимаютъ, проче отъ труда питаются. Монастырь оній прежде бяше Сербскій, нинѣ же съ Греки смѣшился. Чутъ же въ церкви весь полъ и Гречески и Болгарски. Тамо

пребиҳъ полъ дня и ноцъ. Оттуду пойдохъ къ монастыру иному, поряду.

Монастырь девятыйнадесять, Дохиару.

Сице реченній отъ ктитора своего, той монастырь обширнаго и високаго строенія и лѣпаго. Церковь же височайша строеніемъ и болша долготою, нѣсть въ всей горѣ, якоже тамо. Многія же глави верху имать лѣпо устроеніе и гладцѣ покровенны цѣнію. Подножіе ея чисто и гладко отъ мраморними дсками усланное; притворъ такожде великий и лѣпій, якоже и церковь. Вся же иконоисанна честно, и канделами и лампадами устроенна зѣло красно, яко услаждаетъ зрящаго зѣници, и воистину едва мало не соравняется съ Хиляндарскою. Симъ токмо разнствуєть, ято тамо и покровъ и подножіе неоцѣненно иматъ. Такожде и трапезу велику и изряднѣ иконоисанну иматъ. Иноци тамо изобилни, чтутъ Гречески, чинъ управляютъ лѣпо. Имѣютъ своя корабля и мрежа и вслкое доволство. Монастырь оній и велиky, и лѣпотень отвнѣ и отвнутрь строеніемъ, и на веселомъ мѣстѣ стоять, на единой равнинѣ, мало виши брега, подъ горами красними, всякое древо имущими, при водѣ здравой и чудотворной (о ней же послѣди), отъ базаря два часи. Церковь, яже тамо есть, именуется храмъ Собора Святаго Архистратига Михаила и прочихъ Силь безплотнихъ, ихъ же чудесь тамо иноки многа имуть, якоже слышахъ, и нѣкія отъ онихъ здѣ въ изявленіе инимъ полагаю. Первое. Единъ юноша, послушникъ сій монастырской, нѣгдѣ, внѣ Гори Святія, на прибиткахъ монастырскихъ сѣдяше, стрегій я и копающу ему тамо землю, по Божію смотрѣнію, случися обрѣсти сокровище. Оній юноша, бивши вѣренъ слуга обители

святы, хотяй и усновлitisя тамо, дойде къ монастыру и возвѣсти игумену. Игуменъ, возвѣстивши братіи и избравши тріехъ отъ иноковъ начальнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ, посла тамо, да вземше привезутъ е въ монастырь. Иноки, вземше корабль, отплиша тамо, бяше бо на единомъ островѣ, недалече отстоящомъ отъ Гори Святія, и, дошедшe тамо, обрѣтоша единъ конобъ великий, полнъ злата, верху алабастровимъ каменемъ покровень; иземшe же его отъ земля, вложиша въ корабль и отплиша вси, купно съ онимъ юношою. Пловущимъ же имъ, древняя злоба діяволъ помрачи сердца иноковъ тѣхъ лакомствомъ, и всѣя имъ мисль, да камень оній, имъ же покровень бяше конобъ, опѣшивше вервомъ, и привязавше до шїи оному юноши, вергутъ и въ море; сами же, раздѣлившeся онимъ златомъ, и сокривше его, дойдутъ въ монастырь и рекутъ, яко солга оній юноша и сведе ни, и не вѣми, камо убѣже. Но слиши, благій читателю, каковое чудо сотворися. Вергшимъ бо имъ того послушника въ море, внезапу невидимо предсташа два Ангела свѣтла, и взяша его, и принесоша, и поставиша внутрь церкве, яже въ монастырѣ, всего омоченна и съ каменемъ, яже на шїи его. Дошедшимъ же инокомъ къ монастыру и рекшимъ, яко написахъ прежде, и запрѣвшимся, еже не обрѣсти имъничесоже, — явѣ показася ложъ ихъ, егда изведенъ бистъ юноша отъ церкви въ видѣніе всѣмъ и повѣда, якоже бистъ. И исповѣвшi грѣхъ свой, отдаша все злато, якоже обрѣтеся, и прославиша иноци Небеснія Сили, паче же Бога, и украсиша церковь и монастырь лѣпо; каменъ же той и доселѣ лежить въ олтарѣ. 2. Ищущимъ тамо инокомъ, гдѣ бы обрѣсти воду, питія ради, Ангель Господень во снѣ показа, и ископаша тамо кладязъ, отъ него же и доселѣ почерпаютъ воду здраву зѣло. 3. Пришедшимъ

~~Христо~~ Господи и Спасиши сущите монастырь, Архи-
~~тати~~ Святыи Атонъ, живущих на горы, разгна-
~~ти~~ се звери, птицы, и таки спасе монастырь отъ
~~зверей~~ Дарю же твои тута и прочая многия чудеса,
~~и~~ да възлюбятъ твои земли не книги и поучения где
~~записи~~ въ стоянщемъ селе. Тамо въ ономъ монастыри
~~поместимъ~~ въ дни, и земли пригожи къ монастырю иному.

~~Слово~~ ~~для~~ ~~святаго~~ ~~Бориса~~.

Тои выражены земли отъ генитора своего. Бысть же ми
~~въ~~ ~~объединеніи~~ земли Горы постѣній возвеже. якоже
~~прѣ~~ ~~и~~ рукою подъстѣніи монастырей тамо. Мона-
~~стырь~~ твой земли подобечь строеніемъ Рускому, и цер-
~~квицамъ~~ и гравезамъ, и величию, токмо мѣстомъ разн-
~~ствуетъ~~ возвеже стоять изъ долинъ, низко, между горами
~~окресть~~ обстоящими, и между великими лѣсомъ кашта-
~~новими~~, при водѣ сладкой и здравой, отъ горъ теку-
~~щей~~ — отъ моря далече и отъ базара таожде хожденья
~~три часа~~. Иноковъ имать мало. Нѣсть же въ нихъ ни
~~кораблей~~, ни мрежей, токмо нѣсколько скитовъ подъ вла-
~~стю~~, отъ ихъ же взимаютъ користи мало, прочее же
~~питаются~~, дѣлающе землю. Здѣ буди благодареніе Богу
~~яко~~ по желанію моему дойдохъ и посѣтихъ вся мона-
~~стыри~~, иже суть въ Горѣ Аeonской, Ему же отъ всѣхъ
~~есть~~ честь и слава, нинѣ и всегда, и въ вѣки вѣковъ.
Аминь.

(Испедшу ми и посѣтившу монастыри, скиты и вся
~~и~~ святыя въ Горѣ Аeonской и хотяшъ паки возвра-
~~татися~~ въ градъ Салуунъ, прослуся иѣкала вѣсть, отъ
~~Царск-града~~ тамо пришедшая, коє ради возвращенія
~~прощучекъ~~ изглеждещемъ баше. Сего ради убояхся оттуду
~~зѣлѧ~~. ~~како~~ не вмѣль въ нѣкую извѣстію, и

земли Турецкой латво о тое, къ тому же проявляхуся частѣ студеніе вѣтри и дождеве безгодніе, и приближа-шеся зима. Зима же тамо люта не тако, яко въ иныхъ странахъ. Сего ради удержахся тамо отъ Октоврія 1-го до 1-го Февруарія чрезъ зимное время, и пребивахъ въ монастирѣ Рускомъ, церковнимъ набоженствомъ и послу-шаніемъ монастирскимъ упражняся, даже до мѣсяца Февруарія. Разсмотрѣхъ же вся чини, обикновенія и мѣста красоту Святой Гори Аеонской, яже суть сія: Гора Аеонская подобится нѣкоему панству невелику, въ ней же монастири началніе яко гради, а меншіе яко двори панскіе, скиты же яко фольварки, иноки же, яко граждане. Величествомъ есть въ долготу два дни хож-денія, въ широту же единъ день. Есть же тамо мѣсто посредѣ Гори, именуемое Карія, идѣже устроенне суть комори, купцевъ ради тамо приходящихъ и своего ради продаянія нуждныхъ вещей, понеже отъ града далече, и не исходятъ иноцы въ мірь, развѣ зѣло нуждной ради потреби. Сего ради приходятъ тамо купци и торговцы съ различными товари. ово отъ острововъ по мору, ово же отъ Селуна по земли, и собираются ярмарки трижды въ годъ, якоже слышахъ, кромѣ иныхъ торговъ меншихъ, иже на всякую суботу биваются; на него же егда свій-дутся иноцы мнози, едино утѣщеніе сердечное и очссемь лѣпотное зрѣніе, найпаче иноземцу зрящу является. По-неже оное Богомъ избранное стадо, аки нѣкій велись соборъ, или процесція, едино умиленіе человѣку приносять, вси бо тамо, кромѣ приходящихъ торговцевъ, не токмо иноцы, но и мірскіе послушники черновласними одѣянными одѣждами, съ преклоненными віями и лицемъ смиреннимъ другъ другу прекланяюще глави, съ всякимъ любезнимъ пѣлованіемъ, съ тихостю и кротостю, не многоглаголюще, развѣ точію что нуждно, и то съ лю-

бовію и всякимъ смиренномудріемъ. Наиболше въ нихъ слышится слово сіе: „благослови и прости“. Всякъ же свое, его же творить, продаетъ рукодѣліе: өвіи крести, ініи же печати просфорніе, нѣціи же ложици, друзи же чотки, прочіи же парамани, подкапки, сандалія, ножи прекрасніе и многоразличніе вещи, своими дѣлающе руками, продаютъ и отъ труда питаются. Понеже тамо незнающему никакового рукодѣлія и не имущему сребра зѣло нуждно есть жити на уединеніи, въ монастири же съ многимъ трудомъ хлѣбъ ядять, понеже не имуть подданихъ, якоже въ странахъ иныхъ, но сами копающе и оруще питаются. Землю имуть добру къ плодородію. Хлѣба имуть довольно, понеже отъчасти сами сѣютъ, больше же привозять по суху отъ Селуя и отъ острровъ морскихъ по водѣ. Много пріяздятъ человѣцы поклоненія ради и продаянія, аще кто что иметь, и потребная такожде себѣ купуютъ на благословеніе въ доми своя, яко то: крести, чотки, ножи и прочая. Вина много тамо рождается. Понеже ниже продаютъ, ниже купуютъ, но всякъ, иже піеть его, изобилно иметь на потребу свою. Суть же нѣціи, иже никогдаже вкушаютъ вина и суть друзіи, иже въ суботу и въ неделю; вси же три дни въ седмицу воздержуются, развѣ аще кто лакомій утаеннѣ испіетъ чашу, или недужный воскрѣщенія ради. Чинъ церковный благочестно въ моленіи имуть; кандила и лампади нигдѣже тако лѣпо не устроютъ, яко тамо; кимваловъ не имутъ вси, аще нѣгдѣ въ начальнихъ монастирехъ и обрѣтаются, то развѣ въ дни неделны и празднични въ нихъ бряцаютъ. Благовѣстять же на правило церковное по вся дни въ древяніе и желѣзніе била. На вечерню клеплють въ било великое древяное. Аще же иметь бити на вечерни „Блаженъ мужъ“, то и въ же лѣзное клепало біютъ. Павечерницу поють въ притворѣ,

клеплють въ малое било древяное. Егда же начинаютъ пѣти канонъ, то оглашаютъ въ малое клепалце желѣзное. На полунощницу благовѣстятъ въ тоежде клепалце желѣзное, также въ малое древяное, и чтуть въ притворѣ полунощницу. Скончавши же, клеплють въ великое било древяное, и вшедши внутрь церкви, чтуть утреню; канонъ на всякъ день поютъ. На девятой пѣсни въ малое клепало желѣзное біютъ. Чась же первій внутрь церкви чтуть, не исходяще. На часи біютъ въ било въ малое древяное и чтуть въ притворѣ; обѣдницу же внутрь церкви, на службу въ било великое древяное оглашаютъ, аще же полиелей биваєтъ, то и въ желѣзное; на девятый чась въ малое било древяное, и чтуть въ паперти церковной. На трапезу въ особное было великое токмо три толка ударяютъ. Хлѣбъ же егда имутъ пекти, исходить седмичный пресвитерь съ єиміямомъ надъ замѣшаное тѣсто, и покадивши его честно, глаголеть: „Благоловень Богъ нашъ:“ Трисвятое и по „Отче нашъ“, тропарь и кондакъ храму. Тажь священникъ чтетъ молитву ону, яже чтется на бденіи, на благословеніи пять хлѣбовъ, и благословляетъ рукою своею крестообразно тѣсто, и отпустъ творить. Послѣди же братія дѣлаютъ хлѣбъ. Хлѣбъ тамо дѣлается маль, понеже всякой особѣ единъ хлѣбъ на трапезу поставляется особнѣ, и мала мисочка варенія, и всякому особна мѣрица вина. Держать правило отъ ветхихъ временъ, сже не входити тамо женѣ никакоже, ниже поклоненія ради, аще би была и царица. Не токмо же женѣ, но ниже скота и всякаго животнаго женска полу не попускаютъ вийти тамо. Аще бо и имутъ скоти нуждной ради потребы, то все мужеска полу; навѣть домашніи звѣри, коти, безъ нихъ же трудно, и тіи вси суть мужеска полу, и пѣвнѣ, побудки ради, понеже купують ихъ отъ купцовъ драго, которое

приездять въ Святую Гору и привозятъ по суху или по мору. Ничтоже тамо обрѣтается женска полу, развѣ то чю дикихъ звѣрей, яко то: елени, серни, дикіе кози, дикіе коти, лисицы, зайцы и прочая. Суть бо тамо прекрасніе и великіе лѣси, различніе въ себѣ содершащіе древа, яже суть сіи: певги, кипариси, тиси, кукунари, смереки, ялини, сосни, явори, дуби, ясени, бобки, най-паче же каштановъ многое изобиліе, и прочіи безъ числа, имъ же имени не вѣмъ. Много же древа садового по монастырамъ и скитамъ суть, яко то: черешнѣ, дулѣ, яблока, орѣхи волоскіе, орѣховъ лѣсковыхъ премножество, виногради различни, смокви, маслинъ изобилно, помаранчи, лимонъ, сливи и прочая. Словомъ рещи, въ всемъ избранное иноческому житію мѣсто. Отъ всѣхъ бо странъ зрится море и кораблѣ, на немъ плавающе поблизу и издалеча, обходитъ бо едва не округъ море; токмо отъ единоя полунощнія страни касается брега землѣ великой, на нейже все стоять чрезъ всю Болгарію, даже до Волохъ великие гори. Мѣсто оное безмолвное и зѣло спокойное отъ міра, и не инному, токмо монахомъ прлично; токмо многую дань Турки налагающе, обнищаютъ его.

Годъ 1726.

На новое лѣто, Януарія 1-го, бляху снѣзи велики въ Горѣ Аөонской, и мрази такожде. Зима бо тамо лютая, но токмо кратка, и то на висотѣ гори снѣгъ и мразь бываетъ. Воскрай же моря въ дождѣ притворяется, и ни мало хлада слышать живущіи развѣ отъ нѣкоего вѣтра полунощнаго. Всегда бо море отъ естества своего теплое испущаетъ диханіе, и никогда же низу живущіи терпять зиму, поелику бо верху горь падаютъ снѣзи,

потолику низу являются дождевые. Въ монастырѣ Рускомъ святаго великомученика Пантелеимона, идѣже и азъ пребывахъ, хлади и снѣзи великие суть. Въ то бо время, егда начаху падати снѣзи предъ Рождествомъ Христовымъ за седмицу, лежаху невредими даже до Богоявленія Господня. Таже, егда явися вѣтры теплы, за два дни вся исчезоша, и послѣди не являхуся, понеже уже зима преставаше и начинаше весна. Видящи же азъ приближающеся время путешествою своему, моляхъ всемогущаго Бога, преведшаго мя чрезъ многіе землѣ безвредно и безнапастно, да и до конца исправить путешествіе мое благополучно, и преведеть мя даже до отчества моего безвредно.

Богъ же вѣсть, колико гоненіе, укоризну и досади претерпѣхъ тамо чрезъ оное время, пребывающи въ Горѣ Аeonской, тоя ради вини, яко по Латинскимъ странствовахъ странамъ, не хотяху бо мя на многихъ мѣстехъ воспріяти къ прежитію, много о мнѣ мняще въ своихъ мислехъ и еретикомъ мя оглашолствующе въ всей Горѣ, тако Греческіе иноки, яко и Болгарскіе, увѣдаху бо о мнѣ, яко ходихъ въ Римъ, и у папи Римскаго ядохъ трапезу, и въ церкви ихъ входжахъ. Сего ради возбрањаху ми причаститися Тѣла Христова, мняху бо мя имуща препятіе. Егда же увѣдаху чрезъ духовнаго отца моего, давшаго ми свѣдѣтельствованную хартію, яко ни въ чесомъ препятія неимущему и волному приступити къ Пренайсвятѣйшей Евхаристіи, тогда едва съ покутою съ благословеніемъ архіерейскимъ, позволиша мнѣ, и причастихся Тѣла и Крове Господня въ остатной седмици поста предъ Рождествомъ Христовимъ. Таже извѣстившеся, яко повсюду миръ итишина слишится, и Богу благодареніе воздавши, яко по желанію моему сподоби ми дойти Гори Аeonской и поклонитися мѣстамъ

святимъ, изійдохъ оттуду мѣсяца Февруарія 1 дня, въ вторникъ на всеедной, сь инними двѣма человѣки, мірскими торговци, иже въ Святой Горѣ сѣдаху въ коморахъ на базарѣ и куплю дѣяху, но тогда идяху въ Солунь, иже и жилци тамошніе бляху. Огласиша бо отци Аөонскіе, да вси мірскіе послушницы, и ремесники, и торговци исходять вонъ, всякъ во свое отчество. Се же таковой ради нужди: Сироти и бѣдніе люде, убожества ради своего неимущіе дати Туркамъ дани, яже у нихъ зовется гарачъ, убѣгаху въ гору Аөонскую, и тамо живуще свободни пребиваху всякаго поплащенія, понеже Турчинъ никогда же вхождаше тамо, но въ время раздаянія гарачу, на всяко лѣто посилахуся начальнѣшіе иноци въ градъ Солунь, и куповаху точю сѣмь сотъ. акиби не имуще въ Горѣ Аөонской болше, яко пять сотъ человѣка. Есть же всѣхъ иноковъ и мірскихъ надъ двѣ тисячи народа. Чрезъ многое же время на всякъ годъ умножаху Турки дани, не вѣрюще бити малу числу, и уже даяху (якоже слышахъ) на всяко лѣто осмына-десѧть кесій сребра, си есть, осмына-десѧть мѣшковъ, мѣшокъ же содержить въ себѣ пять сотъ талярей. Но еще и тимъ гордій супостать недоволенъ, насиловавше того году самъ гарачій или въ Гору Святую, и самъ вся кому раздавати гарачайкіе листи, еже не бистъ никогдаже тамо. Много же его моляху и дари ношаху, но не могоша зависти его утолити. Сего ради повелѣша, да вси мірскіе изійдутъ оттуду, да аще пришедь самъ гарачодавецъ, и видѣвъ число мало, не покусится на второе прійти лѣто. Глаголаху бо иноци, яко аще Турки будуть входити въ Святую Гору сами собирати данъ, не останеть отъ иноковъ ни единна нога жива тамо. Здѣ всякъ разсуди, покушаяйся или въ Гору Аөонскую. Истинну ти реку, друже, яко райское би било инокомъ тамо жи-

телство, аще не би била Турецкая данъ, Богъ же вѣсть что тамо нинѣ творится по отшествію моемъ.

Идущу ми тогда отъ Гори Аетонской, остался отъ содружества своего; и заблудихъ отъ пути, и идохъ самъ единъ, ускоряющи, хотяющи ихъ постигнути, мняхъ бо, яко преди мене суть; они же оставшася, ожидающе мя, и разминухся, ускоряя зѣло. Случижеся мнѣ того дне въ разбойническихъ рукахъ бити близъ смерти третицю. Единъ бо мя стрѣте съ млатомъ великимъ желѣзнимъ, и начать на мя напастю налагити, воспящающе путь мнѣ, и покушающеся млатомъ мя ударити. Но видѣвъ мя жезль великий въ рукахъ носяща, къ тому же болша себе, и жестоко ему отвѣть дающа, убояся, да не како мною одолѣнъ будетъ, не имѣше бо кромѣ млада никаковаго оружія. Сего ради оставилъ мя, отъиде въ свояси и разійдохомъся безъ пораженія. Паки, прешедшу ми, яко стогну едину, стрѣтоша мя пятерица человѣкъ, и сіи не вси, мню, бяху разбойници, но разбойнические хранители. Единъ же отъ нихъ бяше истинный разбойникъ, въ раздранныхъ рубищахъ, страшень лицемъ и ужасенъ зракомъ. Очеса бо его напоенни кровью, исполнени же ненаситною завистю, руцѣ его къ убийству, хищенію и грабленію готови, нозѣ его къ бѣгству и гоненію скори, сердце его огнемъ ярости дышущое, исполненно гнѣва и рвенія, и всякоя злоби діаволскія. Главу имѣяй безсовѣстну, возвишену, носящу поврежденіе чувства, вію продолженну имій, словомъ рещи, весь ужасновиденъ, и аки левъ готовъ на ловъ. Той, узрѣвши мя, аби воскочи къ мнѣ, начаѣ обнажати мя отъ ризи, юже ношахъ, мнѣ же сопротивляющуся ему. Онъ поять мя единою рукою за перси, другою же извлече ножъ, хотя мя пробости. Азъ же во зопихъ къ нимъ Греческимъ языкомъ: „помилуйте мя,

христіяне ли есте, что творите?“, бяху бо вси Греки. Они же емше его за руку, отъяша ножъ и свободиша мя отъ него. Азъ же бѣжахъ. Разбойникъ же начать гонити въслѣдъ мене, хотя постигнути и не постиже, бѣ бо пянъ, и не можаше далече бѣжати, таже возвратися. Азъ же, благодаря Бога моего, яко не попусти мя нагло скончатися, идохъ далей, хотя дойти до веси, бѣ бо весь не весъма далече. Шедшу же ми, яко поль-поприща, паки стрѣте мя единъ худоризецъ, оружие огненное носяй, високъ и страшень образомъ, пянствомъ дишай. Той, мню, бистъ христіянина; но начать мя въ-прошати жестоко, что есмь и камо гряду? Азъ же, ми-ная и уходя скорѣе, рекохъ Греческимъ нарѣчіемъ: „не знаю, что ти рече“. Онъ же паки Гречески тіа же рече словеса, и хотя возвратити мя, пойде въслѣдъ за мною. Азъ же бѣжахъ скорѣе и сокрихъся въ густину лѣса, и той, не видя мя, прочее возвратися воспять, сквер-ними мя безъчествующи словеси. Азъ же, вся та нака-занію мнѣ отъ Бога посылаему бити разсудивъ, и поло-живши крестное на себѣ знаменіе, пойдохъ паки и прій-дохъ къ единой веси, въ нейже саміе христіяне живуть, и вопросихъ о людехъ, съ ними же идохъ до Селуния, и ничтоже уразумѣхъ, и скорбѣхъ дозѣла, не вѣдый, что творити, не имѣхъ бо съ кимъ ни до Селуния, ни воспять ити, и упросившеся у единаго человѣка, об-нощевахъ. Случиша же людіе отъ Селуния грядущіе въ Гору Аѳонскую, и нощеваху въ томъжде селѣ. За-утра же, съ совѣтомъ многихъ людій, совокупихся съ ними, еже возвратитися паки въ Святую Гору, и идохъ съ ними отъ утра даже до полудни. Таже стрѣтохъ про-тиву мнѣ грядущихъ съпутниковъ моихъ, и возрадовахъ дозѣла. Совокупихъся паки съ ними, возвращаяся на предъумиленный путь свой, и благодарихъ Бога

яко исправи путешествіе мое. Идохъ же чрезъ силу, ускоряя за ними, бояхъся бо, да не како вторицею оставятъ мя въ пустини, и убіютъ разбойници. Тяжестно же бистъ тогда путешествовати: они бо мулами издяху, азъ же пѣшебодно. Тогда идохомъ зѣло труднимъ путемъ, не тимъ, имъ же азъ прежде идохъ къ Горѣ Аѳонской, но инымъ, чрезъ непроходиміе и високіе гори, великими снѣгами и пустыми мѣстами, поминающе села, кромѣ нощеванія. Се же того ради, понеже въ малѣ числѣ бихомъ, и бояхомъся, да не како въ руцѣ разбойникъ впадемъ. Не случижеся (Богу нась сохраншу) ничтоже зло, и приспѣхомъ же въ градъ Солунъ Февруарія 5, въ день суботный, въ вечеръ позно. И пойдохъ паки къ тому же страннолюбцу, у него же и прежде пребывахъ, и пріятъ мя, по милости своей. Быхъ тамо доволенъ пищею и питіемъ, ожидая время путешествію своему.

Описаніе града Солуна.

Градъ Солунъ стоитъ въ земли Македонской, на бре-зѣ морскомъ, въ царствѣ Турецкомъ, на положеню добромъ и веселомъ, подъ горами; огражденъ каменною стѣною, на четыри угла расположеною. Широтою и распостертіемъ подобится отчасти Риму, издалече зрящи. Доми имать все каменніе, покровенніе черепицею, но строенія древнаго и нелѣпаго; суть же и иныхъ лѣпотнихъ полать богатирскихъ много, но инымъ образомъ, якоже въ Италіи. Улицы многіи суть каменемъ усланны, но не вси. Доми стоять густо, но невисоко зданіе, якоже въ Италіи: тамо бо до пяти степеней, въ гору будованіе, едни на другихъ полати, въ Солуню же кромѣ до тріехъ степеней не суть вящшіе, но и тихъ мало, вси же доми до двохъ точію степеней